

ЗВЕРИ

РОМА
ЗВЕРЬ

ИСТОРИЯ ГРУППЫ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

АВТОБИОГРАФИЯ

ЗВЕРИ

РОМА
ЗВЕРЬ

ИСТОРИЯ ГРУППЫ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
КНИГА ПЕРВАЯ. «ДОЖДИ-ПИСТОЛЕТЫ»	
Лёха	9
Амазонки	14
Рыбалка	19
Драки	26
Настя	31
Песни и соседки	38
Мама, папа	42
Художественное и театральное	49
Строительный колледж	52
Литературный клуб	58
Деньги	62
Богема	68
Света	73
Культурная жизнь	78
«Мой любимый будущий муж...»	81
Дожди-пистолеты	87
О любви	93
Бриллиантовый волос	98
Досвидос	103
Послесловие	110
КНИГА ВТОРАЯ. «СОЛНЦЕ ЗА НАС»	
Автобиография	113
Москва	117
Фантазёры	126
Фабрика грёз	133
Рома Зверь и группа «Звери»	140
Заинтересованные глазки	146
Требуются музыканты	151

Просто такая сильная любовь	158
Голод	166
Всё, что тебя касается	172
Районы-кварталы	178
Культурный обмен	185
Фанаты	192
Марина	197
Наедине с собой	206
Бунт на корабле	213
Твой папа — Рома Зверь	218
Расфокус	222
Картина маслом	228
Волшебный мир	235
Никому не прощай	243
Кинокадры	249
«Звери» лучшие	255
Зоя	261
Страха нет	264
Гроза	270
Настоящее	274

КНИГА ТРЕТЬЯ. «С ЧИСТОГО ЛИСТА»

Шоу	281
Мир	290
Эго	300
Род	309
Бог	317
Арт	324
Век	333
Рок	340

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я литературу не очень люблю, если честно. Для меня это самый далекий вид искусства, даже опера меня с годами больше восхищает. Что-то в литературе давно меня расстроило, я не получил того откровения, тех эмоций, которых ожидал в юности. Почему-то у меня было больше надежд на писателей. Я им давал шанс, но осталась некая претензия и разочарование — хотя, может быть, больше к самому себе.

Каждому хочется увидеть себя в герое книги, иначе неинтересно читать. Первую автобиографию, «Дожди-пистолеты», я написал в 2006 году. Вторую, «Солнце за нас», — десять лет спустя. В 2025-м решил их перевыпустить, а заодно и дописать третью часть. Но мифы как жили, так и продолжают жить — книги ничего не изменили.

Никто не знает, кто я. Мы все не знаем, кто есть кто. Людям что известно? Только припевы песен «Всё, что тебя касается» и «Районы-кварталы». Нет, ок, там и куплеты тоже знают. Но это всё! А кто я такой? Кто? ТЫ знаешь? Нет. Вот и ответ на вопрос, для чего это все. Я пишу эту книгу, чтобы зафиксировать: я вот такой, я люблю это, не люблю это, это мне симпатично, а это противно. Всё так, а не как вы себе напридумали. Это документ. Любой человек всегда может взять книгу в руки: «Ага, вот человек свои мысли когда-то записал, а я их сейчас читаю». Это достоверно.

Я никогда не вел дневников или заметок в блокноте, потому что это палево. Это как к психологу сходить. Мне не важно, чтобы меня правильно поняли — мне важно просто показать, какой я есть. Помимо музыки во мне есть что-то еще. Я тоже хочу понять хотя бы что-то сам про себя. Я ведь сейчас это проговариваю, чего обычно никогда не делаю, а это анализ. Может, для этого я все и затеял, не знаю. Но когда я говорю об этом,

вдруг появляется какой-то смысл, и я начинаю понимать, кто я, почему я поступаю так, а не иначе. Как-то все собирается — сам себя хотя бы начинаешь понимать.

«Из нас двоих я самый душный токсик», — это не шутка в песне, я правда душный. Я могу зарядить какую-то коляску-беседу и все. Уже все всё поняли, а я говорю: «Не-е-е-е, ты меня дослушай, не перебивай». — «Ром, да мы все поняли». — «Ничего вы не поняли, слушайте дальше». Я просто когда увлечен, могу долго одни и те же вещи говорить по кругу. Даже самые простые и понятные. Я, кстати, никогда не понимал, почему люди не бросают книгу и дочитывают ее, даже если им неинтересно. Но в этой, я надеюсь, вам не будет душно, и вы дочитаете.

Рома Зверь

КНИГА ПЕРВАЯ

**«ДОЖДИ-
ПИСТОЛЕТЫ»**

ЛЁХА

Раньше было модно — обмен квартир. Мама моя увлекалась. Наверное, ей было прикольно переезжать из города в город, вот она все время и обменивалась. До сих пор не знаю зачем, это надо у нее спросить. Родился я в Таганроге, потом мы переехали в Дружковку, в Донецк, затем в Мариуполь, где прожили шесть лет. Там я окончил школу и проучился год в строительном. В Мариуполе у меня остался лучший друг Лёха Макаров.

Когда мне было пятнадцать лет, мы вернулись в Таганрог, такой вот круг получился. Мы возвращались втроем: мама, младший брат Паша и я. А еще у меня есть старший брат, и мы все трое — от разных отцов. У меня были не очень хорошие отношения с отцом младшего брата. Я его не любил, с ним не общался. Да и когда мы вернулись в Таганрог, мама с ним разошлась. А старший брат Эдик, когда еще учился на тракториста-комбайнера, поехал на практику в колхоз под Мариуполем, там женился и остался.

Мы ехали на автобусе. Ничего я себе такого не думал в тот момент. Вот приедем, я увижу друзей своих старых и буду с ними каждый день. Я ехал туда уже по привычке, потому что периодически приезжал в Таганрог. Я помню, что сразу пошел к Роме Иваненко, с которым мы еще в детский сад вместе ходили. А кличка у него была Иван.

— Я вернулся в Таганрог, все дела.

— Ну клево!

Они с приятелями к тому моменту начали музыкой увлекаться. Я тоже научился играть: где-то за год до возвращения мама в Мариуполе гитару купила. До этого у меня была какая-то убогая гитара, на которой нельзя было даже нажать струны, потому что они очень далеко от грифа были расположены. Вот мама и купила

мне большую гитару «Концертная» львовского производства. Купила в магазине «Орбита», который находился рядом с моим домом на проспекте Metallургов.

— Чем занимаетесь?

— Да вот, — говорит Иван, — на гитарах бренчим.

— А я тоже умею. Типа брэнчу.

— Круто! Мы тут группу создаем, будешь бас-гитаристом?

— Буду.

Дали мне гитару. Мол, покажи, как ты умеешь. Стали петь песни. Не помню какие, честно. Они посмотрели, послушали. Говорят, нечего тебе на басу играть, будешь на гитаре! А Иван стал играть на бас-гитаре. Вот так и началось наше творчество...

В доме, где жил Иван, по Итальянскому переулку, был чердак. Там мы и сделали место для репетиций. Была какая-то стойка с тарелкой, барабан. Две акустические гитары — такие старые! В этой берлоге мы и сидели, репетировали, пили пиво. Тусили... Мы репетировали больше для себя. Песен у нас своих не было, нам интересно было понять, как это все делается. Мы брали какие-то известные песни, начиная с «Кино», заканчивая «Алисой», и пытались воспроизвести: кто соло выучит, кто ритм подберет.

На самом деле мы еще с Лёхой в Мариуполе вовсю играли. Собирались ребята из его поселка, и мы играли разные песни. Дворовые, про Афган, Цоя, Розенбаума. Все подряд. Это было достаточно жизненным и героическим. Вино, пиво, девушки, пацаны — и мы с Лёхой в центре внимания, с двумя гитарами. Сидим, разные песни поем, здорово.

Я в Мариуполе год в строительном отучился, и к нам пришел новичок, который приехал с Урала, из города Красноуральска. Звали его Алексей. Это и был тот самый Лёха. Получилось, что он сел со мной за парту. И мы подружались. Сначала я его в гости пригласил, потом он меня. Это восьмой класс по-старому, а по-новому — девятый.

Учились на гитаре играть как все — один парень знал аккорды, показал. Я, правда, еще ходил в Мариуполе во Дворец металлургов на уроки к преподавателю. Но там надо было по нотам, мне это было неинтересно — играть Баха или Скарлатти. Поэтому я выучил аппликатуру, как ставить аккорды. По аккордам было интересно подбирать, узнавать, как и из чего песня строится. Последовательность аккордов, как пальцы надо переставлять, чтобы получалось. Перебор, бой. Вот так и учились, показывали друг другу. Если не знал какого-то аккорда, можно было спросить у кого-нибудь, как брать, как зажимать струны. А потом дома ре-

петировать этот аккорд, пока не выйдет. Я все время дома сидел с гитарой. Я практически спал с ней, даже в туалет ходил. Зашел в туалет, сел. Гриф наверх, иначе она не помещалась. И так круто в туалете было играть! Там же эхо: у-у-у-у, гудела гитара. Здорово, как на концерте! Прямо как электрогитара! А Лёха играл на трубе — он учился в музыкальной школе еще в Красноуральске...

Лёха жил очень далеко, на окраине города, в поселке Горький. На трамвае нужно было минут пятьдесят ехать. И потом еще пешочком минут пятнадцать-двадцать. Это было очень далеко для города Мариуполя, который совсем не такой большой, как Москва. А я жил в районе проспекта Metallургов, около автовокзала. Там обитало несколько хулиганских авторитетов, не очень сильно криминальных, а таких... на уровне района. Поэтому меня не трогали — я, конечно же, знал, что нужно назвать несколько фамилий, кличек, чтобы от меня отстали. Такие вот были отношения.

После школы — либо к Лёхе, либо ко мне. Чаще всего ко мне, до меня было ближе. У меня был магнитофон, тогда только-только появились такие модернизированные, под названием «Весна». Большой стоячий кассетник со встроенным микрофоном. И мы с Лёхой пели песни под гитару и записывали. Когда уезжала моя мама, мы оттягивались. Как у всех молодых людей случается праздник, когда родителей нет дома. Квартира свободна, можно делать все что хочешь — взрослая жизнь!

А мама очень часто уезжала. Она пыталась заниматься коммерцией. В Санкт-Петербурге почему-то не было грецких орехов. Поэтому мама их покупала, ехала в Санкт-Петербург и продавала. Они там нереально дорого стоили. Мама часто уезжала с братом Пашей, и я оставался один. Мы с Лёхой брали выпить. Была такая водка в Мариуполе — «Гайдамацька», от слова «гайдамаки» — это казаки такие. Водка была разлита в бутылки, которые называли чебурашками. Не водочные, а лимонадные. Мы выпивали чуть больше половинки, а остальное выливали наутро в раковину, потому как больше не могли.

Мы не просто так бухали. Мы жарили картошку, рюмочки ставили, сервировали журнальный столик и сидели — культурно выпивали. Каждый раз мы записывали на магнитофон наши посиделки: как мы выпиваем, чокаемся, поем. Мы воображали, что у нас на этой вечеринке есть девушки. У меня была кошка Рита. И мы орали: «Эй, Ритка! Куда пошла? Иди сюда, что за дела?» Орали, хохотали, подзывали несуществующих девочек — в общем, взрослая жизнь! А потом слушали запись и смеялись над собой же. И конечно, записывали, как на гитарах играли. Это было очень кайфово, потому что из двух гитар получается музыка. Ритм-гитара играла гармонию, аккорды. А вторая — мелодию. И вместе было очень прикольно слушать. Пару раз

соседи приходили ругаться, но мы просто замолкали и минут 10–15 на цыпочках ходили, чтобы не спалиться. И курили в форточку сигареты «Морэ». Такие длинные черные, в зеленой пачке, только-только тогда появились. Ментоловые. Не было тогда никакой разницы — мужские или женские, курили все подряд. Круто! А еще мы с ним ходили под окна и собирали бычки от «Космоса», когда не было денег. Мы тогда только курить начинали. Покурим бычков больших — уау! Штырит! Голова кружится!

Лёха в то время познакомился с Юлей, с которой они впоследствии и поженились. Ну а я ни с кем особо не встречался. В доме напротив моей двенадцатиэтажки жили две сестрички. И мы со старшим братом Эдиком на пару за ними ухаживали. Эдик — за старшей, Светой, а я — за младшей, Инной. Она была очень красивая. Помню, я и Лёха за компанию воровали для них розы. Наш проспект Metallургов — две полосы движения, а посередине — аллея с розами. Немало мы с ним этих роз поотрезали! У меня тогда были коричневые штаны «бананы», в которых было много карманов. Пошиты они были из какой-то болоньи, очень жесткой ткани. Там внизу был кармашек длинный, куда очень красиво помещался ножик. Перочинный, выкидуха. Такой — ты-дыщ-щ-щ-щ — нажимаешь на кнопочку, и вылетает лезвие. Ночью мы выходили на ту аллею. Мимо изредка проезжали «бобики» милицейские, потому что время (93–94-й годы) было беспокойное — улица на улицу, район на район. И каждый раз, когда «бобик» проезжал по проспекту, мы прятались в кусты с розами. Обкалывались шипами, все в царапинах были. И вот мы резали цветы, потом заходили к сестричкам на пятый этаж и клали под дверь. Огромную охапку. Нереальное количество роз, сколько могли унести в руках. Клали цветы и уходили...

А однажды мы с Лёхой легли на рельсы. Там проходило железнодорожное полотно. Metallургический завод недалеко от этого поселка был. Ходили составы, возили руду... И мы лежали на рельсах, девки визжали: «Дураки! Вставайте немедленно! У нас сейчас разрыв сердца будет!!!» А мы лежали на рельсах и бухали шампанское. Нам нравилось, что за нас переживают. А мы герои такие. Мы были абсолютно счастливы... Ну, мы сами, конечно, вставали. Но нам хотелось, чтобы нас подняли. Потому что мы не боимся ничего. Мы смелые ребята...

Вот так мы с Лёхой дружили, окончили девять классов средней школы. Потом я поступил в строительное училище там же, в Мариуполе, где отучился первый курс. А Лёха пошел учиться в музыкальное училище по классу трубы. Но даже когда мы поступили в разные училища, мы по-прежнему дружили. Мы все равно встречались, выпивали, играли на гитарах, приезжали к нему в район, там пацаны были. Он мне рассказывал какие-то истории, как они

там дрались. Поселок на поселок. В Мариуполе мы тогда с ним не замутили группу. Во-первых, не с кем было. Он чего-то предлагал, у него же в музучилище много было знакомых. Но нам не до этого было. Мы просто песни играли. Даже это еще тогда плохо получалось. Гуляли, пили, учились. Мы к тому моменту еще не осмыслили, что можно группу делать. Да и сочинять я не пробовал тогда. И вот мы уехали в Таганрог, Лёха очень обижался на меня. Ради того, чтобы учиться со мной в одном училище, он, профессиональный трубач, перевелся из музыкального в строительное! «Я к тебе перешел, чтоб с тобой учиться. А ты уехал!» Но дружить мы так и не перестали. Никогда.

АМАЗОНКИ

Учеба в училище — параллельная жизнь «чердачному» творчеству. В Мариуполе я поступил на первый курс строительного ПТУ. Специальность — отделочник-строитель или плиточник-отделочник, что-то типа того. В Таганроге я перевелся в местное училище аналогичного профиля. Мы пришли с мамой, сдали документы в ПТУ-23, куда меня и приняли на второй курс.

Первое сентября. Я опоздал на торжественную линейку, на все эти праздничные дела. Прихожу в училище, занятия уже начались. Мне сказали, что я буду учиться в третьей группе. Стучусь в кабинет, открываю дверь, спрашиваю преподавателя: «Это третья группа?» Мне женщина отвечает: «Да, третья». Я смотрю на людей в аудитории и не вижу ни одного мальчика. Я растерялся. Закрываю дверь. Стою, думаю: вот глупость-то какая! Подошел к вахтеру, спрашиваю: «Это пятнадцатый кабинет?» — «Пятнадцатый». Снова стучу, захожу: «Третья группа?» — «Да, третья». И уже все на меня с любопытством поглядывают, говорят: «Ты новенький, да?» «Да», — говорю и опять закрываю дверь. Я ничего не понимаю, я вижу в аудитории одних девушек!

В группе мариупольского училища, где я учился, были одни пацаны, и специальность наша называлась «плиточник-отделочник». А это что такое?! Как выяснилось, в Таганроге это называлось «плиточник-отделочник широкого профиля»: и маляр, и штукатур. То есть подразумевалась и отделка, и поклейка обоев. И оказалось, что по этой специальности в Таганрогском училище учатся одни девушки!

В третий раз я хлопнул дверью, стою и думаю, что теперь делать. И вдруг дверь открывается, выбегает весь этот класс, вся группа девчонок, и затаскивает меня в аудиторию. Кричат: «Ты к нам, ты к нам!» Я такой: «Извините, я ничего не знаю...» — «Да, к нам, к нам!» Преподаватель пытается их успокоить. А они его просто